
Марта Ливнева
Место у окна
ПЕРЕЕЗДЫ
КВАРТИРЫ
ОФИСЫ
УПАКОВКА
ПЕРЕВОЗКА
ПЕРЕЕЗДЫ
Новый этап
Офис
Команда
Развитие

Марта Ливнева
Место у окна

https://litres.ru/74969427
SelfPub; 2026

Аннотация

В свой сорок первый день рождения Соня собиралась позавтракать с мужем. Вместо этого получила на руки старинный манекен, телефон недовольного заказчика и просьбу на три дня подменить диспетчера в фирме «Бережный переезд».

Саша одиннадцать лет строил своё дело. Теперь ему тесно среди чужих диванов и коробок: впереди большой складской терминал, серьёзные партнёры и совсем другие деньги. А Соня неожиданно увлекается работой, от которой муж устал.

Три дня растягиваются на месяцы. Клиенты звонят уже ей, сотрудники ждут её решений. И когда Саша обещает партнёру лучший фургон, Соня впервые отказывается поддержать мужа. На этой машине завтра должны работать люди, которым она обещала зарплату.

«Своё бы такое сделала», — говорит Саша. Соня начинает считать, сколько стоит его фирма. А заодно решать, чего она сама хочет от жизни, которую столько лет считала общей.

Содержание

Глава 1. Место у окна 5
Глава 2. Чужая чашка 12
Глава 3. Бригада 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Марта Ливнева
Место у окна

Марта Ливнева
Место у окна

Глава 1. Место у окна

Первый в жизни переезд, за который я получила деньги, начался с того, что мне вынесли покойника. У покойника были узкие лакированные туфли и очень красивые ресницы.

— Это учебный, — сказала женщина из окна. — Голову под мышку положите, а то откручивается.

Я прижала к себе манекен. В тротуарной луже плавало мартовское небо. Саша стоял по щиколотку в этом небе, одной рукой держал телефон, другой успокаивал клиента, которого рядом не было. Клиент, бывший директор анатомического театра, со вчерашнего дня находился у дочери в Риге и всё ещё руководил погрузкой.

— Мы с вами договаривались про четыре шкафа, — говорил муж. — Да. Да. Понимаю, что человек лежал внутри шкафа. Мне его куда теперь?

— Поставьте на место пассажира, — ответил директор так громко, что я услышала. — Пристегните только. Ему сто восемнадцать лет.

Сашина фирма называлась «Бережный переезд». Белые буквы на синей машине располагались так, что при открытой двери оставалось одно слово «ежный». Когда-то у мужа была одна машина, сам же он водил, таскал и по вечерам сводил счета. Одиннадцать лет спустя у него были три машины, один диспетчер, восемь грузчиков, небольшой склад и по-

прежнему уверенность, что без его участия ни одна тумбочка не минует дверного косяка. В тот день мне исполнялся сорок один год. Я заехала за ним, чтобы пойти завтракать, и надела светлый брючный костюм, в котором несла под мышкой чужую голову.

Директор на том конце вдруг вспомнил про уши. Саша отдал телефон мне.

— Соня, займи его две минуты. Хоть с днём рождения пусть тебя поздравит.

Муж полез в фургон. Наверху распахнулось ещё одно окно, высунулась курносая девушка и сказала:

— Покажите, он с усами?

— С ресницами.

— Тогда он на третий этаж! Он актёрского факультета, им сегодня нужен. У директора свой в кладовке.

В трубке всё ещё требовали беречь уши. Я прислонила телефон к манекену и сфотографировала лицо со всех сторон. Успели до того, как актёр спустился за актёром. Фото ушло в Ригу. Вот так мы избежали лишней ходки и попутно выяснили, что из фургона уже надо выгружать чужой камин. И только в кафе, когда мне принесли яйцо в чашке и кусочек хлеба с анчоусом, я заметила на левой груди длинную пыльную ладонь. Манекен оказался хваткий.

Саша хохотал до слёз. Он умел смеяться над любой бедой, однажды мы так же просмеялись полвечера над сломанной кроватью, на которой только что собирались заняться любо-

вью. Он подарил мне небольшие серебряные серьги, своим широким пальцем впихнул мне в рот анчоус, чокнулся со мной кофе и спросил, не могу ли я помочь ему до среды.

— Всего три дня. Оксана ушла на операцию, мальчишка ей на замену всё перепутал. У меня в области показ склада, если дадут долгую аренду, мы с тобой разбогатеем. Ты же в библиотеке своей всё равно до мая в отпуске.

Я не была в отпуске. С первого марта нашу библиотеку закрывали на реконструкцию. Шестерых сотрудников распределили по филиалам, мне дали отгулять накопившиеся дни и обещали место в детском отделении на окраине. Добираться туда надо было на двух автобусах. Это последнее обстоятельство почему-то за меня обсуждали все родственники. Никого не интересовало, хочу ли я опять рассказывать девятилетним, как орёл клевал печень Прометею. Я любила свою работу больше всего в те минуты, когда надо было отыскать книгу, о которой читатель помнит только, что у неё был жёлтый форзац и женщина в середине плакала. Мы все думали, что человек читает текст. Как бы не так. Человек помнит место, на котором книга стояла в день, когда ему было хорошо.

— Три дня. Почём?

— В смысле?

— Сколько у меня будет денег за три дня?

Он уставился на мою серьгу. Застёжка оказалась непривычной формы, и я, не замечая, всё время растирала мочку.

— Купим тебе нормальные серёжки.

— Серёжки отличные. Я про работу.

Саша достал телефон, прикинул оклад Оксаны и назвал сумму. Я записала её на бумажке от сахара, спрятала в нагрудный карман, ровно под пыльную ладонь. Сама не знаю, почему это мне тогда понадобилось. Муж переслал мне контакты и поцеловал в самый след. Полдня потом по кафе ходила женщина с отпечатком руки на груди и кофейными усами вокруг.

Контора занимала первый этаж бывшей школы спортивного резерва. В полуостеклённой двери виднелась дырочка от шурупа. Возле дырочки чернилами было написано «Мать бокса». Оксана держала на рабочем столе банку леденцов, слишком крупных, чтобы продолжать говорить по телефону, когда взял в рот. Поэтому люди брали леденец под конец разговора и уходили с тем безмятежным лицом, которое бывает у всех достигших взаимопонимания.

Первым клиентом в моё дежурство стала женщина, у которой в квартире в последний момент перестала пролезать спинка дивана. Я сперва посочувствовала. Оказалось, сочувствовать нужно рабочим, женщина сама была виновата. Два года назад диван внесли через балкон, после этого балкон застеклили, а на следующий день должны были подписать акт с покупателем. Она предлагала оставить диван ему, только грузчики пусть сделают вид, что сломали, а фирма возместит.

— Давайте на громкую. Кто у вас старший?

— Филипп. Он под диваном.

Из-под дивана послышалось:

— У этой модели спинка снимается. Хозяйка думает, что мы вскроем обивку. Скажите ей, пусть полотенце даст. Покажу.

Полотенце дали. Я узнала, что спинку можно сдвинуть по двум внутренним направляющим, если вдвоём поднять её без перекоса. Хозяйка звякнула в трубку рюмочками, празднуя освобождение. Я поставила в журнале первую галку.

Ровно в два перепутались ключи от двух подъездов. В три доставили клавесин, заказанный как комод, и мне пришлось выяснять, какой ногой можно наступить на старинный порожек. В половине пятого молодой парень позвонил сообщить, что у него отец умер и они вроде заказывали назавтра перевозку вещей на дачу, теперь сам не понимает. Я перенесла заказ на неопределённый срок. Парень сказал:

— А вы можете как будто я вам сегодня ничего не говорил? Нам Тамара перезвонит. Она будет отменять. Пускай она сама. Она ему жена.

В тот день я поняла кое-что про дело мужа. Люди говорили «переезд», когда им надо было куда-то деть целую прежнюю жизнь, и таких людей слишком часто спрашивали только о наличии грузового лифта.

К вечеру за кассу сел Филипп, рыжеватый мужчина лет пятидесяти с очень длинными ногами. На мизинце у него был пластырь с изображением трёх зайцев. Я предложила за-

мотать по-человечески.

— Это у меня по-человечески и есть. Внучкино. Когда болит, показывает, который заяц сейчас помогает. Вы из Александровых кто будете?

— Жена.

— Ясно. Тогда бумаги вам оставлю, а сдачу Оксане потом.

— Чем я вам для сдачи не гожусь?

— Тем, что Оксана знает, почему лишние шестьсот. А вы, может, захотите, чтобы их было ровно столько, сколько написано.

Мы пересчитали. Лишнее действительно нашлось. Помывка фургона после покойника оказалась необязательной: оба манекена остались в своих зданиях. В акте стояла лишняя сумма, заплаченная переводом, сдача лежала наличными. Я попросила номер и вернула деньги директору в Ригу. Через пятнадцать минут он позвонил обратно узнать моё имя. Дал телефон своей знакомой, у которой оказалось гораздо больше мебели, чем у него. Так самый маленький кусочек будущего своего состояния я заработала тем, что его вернула.

В среду приехал Саша. Положил передо мной в точности оговорённые деньги, кожаную обложку для журнала и вафельную трубочку из гостиницы. Он нашёл в области подходящий терминал. Четыре года мечтал заняться складским хозяйством, начать возить партиями, по-крупному, чтобы договариваться лично с директором завода и перестать слу-

шать от разных вдов истории о чашках с нарисованными пионами. Вся его улыбка была теперь обращена туда, на бетонную площадку вдоль железнодорожной ветки, где можно было воображать себя человеком такого размера, какой тебе нравится.

— Ты в четверг сможешь? Там Оксане продлили.

Я пообещала до пятницы. В тот вечер в свой бумажный календарь он впервые вписал моё имя круглой буквой «С» вместо полного. Как своё.

Глава 2. Чужая чашка

Знакомая из Риги оказалась Зинаидой Васильевной, бывшей преподавательницей французского. Она заказала переезд из двухкомнатной квартиры в такую же двухкомнатную, на две улицы ближе к сыну. Когда я пришла на осмотр, по кухне разгуливал боком беспокойный маленький внук. В каждый карман у него входило по две десертные ложки. При боковой ходьбе они не так звенели.

На столе стояла большая супница. Зинаида Васильевна хотела, чтобы её везли на переднем сиденье.

— Я понимаю, вы всё можете в пузырчатую плёнку. Мне бы лучше в полотенце. Перчатки ваши шершавые, позолота облезает. Уж я вас умоляю, Сонечка.

На супнице было белое место величиной с копейку. По обе стороны разбегались нарисованные лимоны, и только тут не было ничего. Зинаида Васильевна однажды оставила её на включённой плите и теперь беспокоилась так, будто и мы собираемся жарить на ней яйца.

С кресла за перегородкой донеслось мужское покашливание.

— А мужа чаю попотчевать не хотите? Второй час пьяным сухарём давлюсь.

— Петя, я предлагаю женщине перевезти нашу мебель.

— Пусть женщина молока попьёт. Мы вчера пряники не

доели, они лежат, как деньги пропадают.

Зинаида Васильевна показала мне мужа. Петя был длинный, совершенно сухой старик с невинными маленькими глазами. Ему трудно было ходить, а в разговоре он прекрасно обходился без собеседника. У него на подлокотнике висел кармашек с семью карандашами, каждый разной длины.

— Вы мне главное окно оставьте. Чтобы у меня газету на коленях видно было до обеда. И рябинка. Где моя рябинка растёт?

По новому адресу на той стороне была стройка и единственное дерево — кривоватая липа. В квартире меня поджидал сын заказчиков с толстой рулеткой и планом, на котором все комнаты были уставлены красивыми серыми прямоугольниками. Он показал, где собирается поставить отцовское кресло. Прекрасно вписывалось в нишу напротив купленного телевизора. Из кресла не было видно ни одного окна.

— Он у меня полгода сюда переезжать соглашается. Всё ему не так. Я сейчас ему дверь новую заказал, чтобы шире. Голосом каждые два часа проверяю, не задыхается ли. Ещё заставляет меня про дерево слушать.

— А можно я прямо сейчас попробую сесть вот здесь? — спросила я.

На месте кресла стоял мешок плиточного клея. Я села. Видно было ещё меньше, чем я ожидала. Снизу над новой дверью свисал край малярной ленты, на нём кто-то нарисо-

вал фломастером кота. Была видна розетка, за которую этому человеку следовало быть благодарным сыну. Больше ничего.

— Пойдите сюда, Андрей. Минутку посидите. Я выйду.

В соседней комнате пахло пылью, мелом и самым ранним весенним ветром. Из неё была видна липа. В ветвях застрял кусок розового шарфа, и всякий раз, как дуло с реки, казалось, что кто-то там собирается помахать. Андрей просидел на мешке минуты три. Вышел, прихлопывая по заду.

— Можно вообще-то комод перевезти на дачу, — сказал он. — Здесь кресло поставить. Отец мне этого не забудет. В хорошем смысле. Сколько доплачу за комод?

Я посчитала дорогу, часы двух человек, возвращение водителя. Саша ещё утром предупреждал, что любое изменение — за деньги, иначе работа расползётся. Цена получилась как новый комод.

— А если комод здесь оставить и поменять комнаты местами?

Мы развернули лист бумаги. Обе комнаты по шестнадцать метров. Шкаф помещался в обе, а платяной штанге всё равно, до какого окна три метра. Изменилась только сторона открывания дверцы, зато отцовское кресло смотрело на дерево, телевизор и стол, за которым Зинаида Васильевна разложит свои тетрадки. Всё это нужно было провернуть до того, как маляры нарисуют последних котов на своей ленте. Я позвонила Филиппу. К семи он пришёл, снял с петель ещё пу-

стую дверцу, перевернул два крепления. Мы записали ему полтора часа. Андрей заплатил, не глядя в калькулятор.

На следующий день старики переехали. В новой квартире Петя сел в кресло у окна. Он достал фотографию дерева на старом дворе, закрепил белой кнопкой к торцу шкафа. Тут на липу прилетела серая ворона, и Петя, вчера такой беспомощный и требовательный, приложил палец к губам и подозвал внука. Они вдвоём проглядели в окно минут десять. Из мальчика при этом выкатилась чайная ложка, удивлённо прозвенела по дубовому полу. Мужчины молча глянули друг на друга. Скрытность была у них семейная.

Тот переезд мы окончили к половине шестого вечера. Дверь фургона уже закрывалась, когда Андрей спросил, сколько стоит сделать всё то же самое в следующий вторник у его сослуживца. «Всё» он обрисовал замахом руки, точно я знала, какую часть нашего пребывания он имеет в виду. С вечера до окончательного решения обошлось в семнадцать разговоров и неожиданно хорошее для нас число. У сослуживца была мать, которая собиралась переезжать из города в деревню, а он не мог даже поставить перед ней коробки. Она при одном виде коробки начинала собирать совершенно посторонние вещи, однажды добралась до зимней засыпки погреба и унесла два ведра опилок.

— Она рассчитывает уместиться в чужой дом. С этим кто-то должен помочь, ей трудно отказаться даже от разбитого. Мы с сестрой всё выкидываем наскоком, а она нас потом не

пускает. С вами бы поговорила.

Я сказала, что зайду. Это уже была работа, которую не поручишь никому из Сашиных восьмерых. Никак нельзя было измерить её количество ни часами грузчика, ни весом разобранных шкафов. Я назначила наугад полторы тысячи за час. На эти деньги в библиотеке мне нужно было отдежурить целый день.

Вечером дома Саша скинул на телевизор снимки терминала. Красивые ворота с ещё не снятой защитной плёнкой. На пустом полу спал растянутый в одну прямую линию белый дворовый пёс. Я рассказала про старика и липу. Про деньги сказала в конце. Саша покивал:

— А если тебе теперь каждую неделю будут показывать чашки? Ты взвоешь через месяц. Впрочем, может, тебе по характеру. На заказах-то мы сколько выиграли?

Я посчитала деньги, пришедшие прямо сейчас, вычла затраты. Затем открыла другой лист, внесла завтрашний осмотр, прикинула время на разгрузку в деревне. На обычном переезде оставалось совсем немного. За мою работу вышло почти столько же, сколько за машину.

— Попробую договоры делать отдельно. Хочешь?

— Делай. Только посмотри, чтобы нас потом не пришили к порче их реликвий. Люди бабкину чашку оценивают, как будто их бабка из неё лично Екатерину кормила.

Утром я позвонила в библиотеку. Место в детском отделении пока было моё, директор могла предложить полови-

ну ставки с мая. Я попросила оставить мне две недели подумать. Сказать, что у меня другая работа, было всё ещё стыдно. Как будто тем читателям, которые двадцать лет верили в моё умение вспомнить нужную книгу, я вдруг сообщила, что с сегодняшнего дня торгую польскими сапогами.

Когда я приехала на склад, на столе уже стояли две жёлтые чашки, завёрнутые в носовой платок. По блюдцам разбегались лимончики. В записке Зинаида Васильевна ровным учительским почерком написала, что давать подарки незнакомым людям считается дурным тоном, а про знакомых в этой части этикет умалчивает. Филипп размешивал растворимый кофе в одной из них моим карандашом, потому что в конторе отродясь не держали ложек.

Я купила восемь чайных ложек. В ящике под телефонной книгой они стукнулись все разом, как горсть только что отсчитанных денег.

Глава 3. Бригада

Настоящая работа началась с того, что на мне захотели сэкономить. Сотрудница библиотеки привела своего брата, у него в посёлке на Волге продавали дедов дом. Они с сестрой договаривались заранее, он считал, что я войду в положение.

— Там час, максимум два. Мы всё уже по кучкам разнесли. Приедем, покажем, что к городской машине, что к нам. У нас просто с временем сложновато.

Я утром оставила на столе мутную банку с тюльпанами, которые засохли, пока мы жили с одной ногою на складе. Приехала в посёлок к одиннадцати. В доме не было ни одной кучки. Родственники не разговаривали с мая прошлого года. В отсутствие сестры брат собирался переправить к себе всё, что считал не стоящим выяснения. В том числе шкатулку с медалью покойной матери.

— Медаль мы не повезём, пока оба не распишетесь, — сказала я. — И если вы мне не покажете, кому что, я заказывала бы пока только оценку объёма.

— Сонь, — сказала сотрудница, — ну я ж тебя позвала как человека. У нас с Ромой сложная ситуация. Ты забери в свой склад, мы разберёмся.

Саша обожал такие заказы. Склад за каждый день приносит деньги, ещё лучше, если спорящие родственники оплачивают его наперегонки. Мне совсем не хотелось запирать

чью-то мать у себя и отмерять деньгами промежуток между её детьми. Я предложила сфотографировать всё, что у них вызывает разногласия, передать им фотографии; они обсудят, я посижу в машине полчаса и вернусь.

Деревенская остановка была завалена рыхлым дымящимся снегом. В фургоне работала печка. Ребята на заднем сиденье играли во что-то на общем телефоне. Водитель Толик чистил ножичком яблоко, снимая кожицу мелкими десятикопеечными чешуйками.

— Филипп им уже объяснил, что бабка всё поделила.

— Какая бабка?

— Та, что вся в белой рамке. На чашках снизу буквы есть. На инструментах тоже. В эстонском сервизе три разные буквы. Бабка у них была справедливая и полный деспот. Сам интересовался, мать у меня такая. Ничего не скажет до смерти, а потом обязательна к исполнению.

Я вернулась в дом. В опрокинутом вверх дном блюдце было нацарапано «Р». На другом «И». То, что мне показали, было честной попыткой старой женщины оставить вещи тому ребёнку, который их любил. На дне медной турки была одна жирная буква «Я». Я с трудом удержалась от желания поднять турку над головой и предложить детям оставить её в наследство покойной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.